

УДК 343.6

Семченкова Елизавета Сергеевна,

студентка 2 курса юридического факультета им. А.А. Хмырова,

Васильев Алексей Михайлович,

профессор кафедры уголовного права и криминологии, д-р ист. наук, канд. юрид. наук,

профессор, член РАЮН,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

г. Краснодар, Россия

ЭВТАНАЗИЯ

В данной статье будет рассмотрена актуальность применения и развития института эвтаназии. Основой дискуссии об эвтаназии является отсутствие её дефиниции на законодательном уровне, но данное деяние активно рассматривается в криминологической интерпретации уголовного права. В данной теме будет затронуто восприятие квалификации эвтаназии и определения меры ответственности за неё.

Ключевые слова: эвтаназия, квалификация эвтаназии, легализация эвтаназии, регламентация эвтаназии.

EUTHANASIA

This article will consider the relevance of the use and development of the institute of euthanasia. The basis of the discussion about euthanasia is the lack of its definition at the legislative level, but this act is actively considered from the criminological interpretation of criminal law. This topic will address the perception of how to qualify for euthanasia and the definition of responsibility for it.

Keywords: euthanasia, qualification of euthanasia, legalization of euthanasia, regulation of euthanasia.

Эвтаназия – это понятие в переводе сочетает в себе совершенно два противоположных по значению слова: «хорошо» и «смерть». На каждом историческом этапе отношение к добровольной смерти менялось по мере того, как развивалось общество и его отношение к ценности человеческой жизни. Тема «благой смерти» дискутируется на протяжении многих столетий и рассматривается не только с медицинской, нравственной, религиозной, философской точек зрения, но также и с точки зрения уголовно-правовой

оценки. Если говорить об истоках применения эвтаназии, то по мнению Софокла это было даром судьбы, благом и неизбежностью, однако Гиппократ заложил в клятве врача отрицание эвтаназии в любом её проявлении, кроме этого, его приверженцами были и Аристотель, и пифагорейцы.

По мере того, как человечество приобщалось к религии и принимало христианство, происходит новое понимание онтогенеза эвтаназии, что условно стало второй стадией её формирования. Церковь осуждала и считала противоправным суицид и пособничество в нём, даже и во благо. Это отражалось в гражданском законодательстве стран Средневековья, за подобные деяния там следовала кара. В Артикулах Петра I (арт. 164), в Морском уставе 1720 г (ст. 117) предусматривалось последующее наказание самоубийцы. Но даже такие меры всё равно не смогли устранить подобные действия [1, с. 187–195].

Третий период развития подхода к эвтаназии принято связывать с нарастанием мнений мыслителей-гуманистов, таких как Рене Декарт, Бенедикт Спиноза и М. Лютер, по отношению к благому суициду; в особенности хочется выделить учения А. Шопенгауэра, который считал, что право на смерть – это естественное право безнадежно больного человека, которое никаким образом не причиняет вред окружающим. Фрэнсис Бэкон в XVI веке ввёл понятие «легальной эвтаназии», которое широко используется и сегодня.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепляют каждого право на жизнь и запрет на лишение её. Во многих странах есть определенное вето на эвтаназию и разрешение на такое своеобразное использования права на жизнь [2].

Эвтаназия существует в активной и пассивной, добровольной и недобровольной формах. Авторы статьи разделяют страны на 3 вида в отношении критерия принятой формы эвтаназии. Первую группу составляют государства, в которых эвтаназия легализирована; во вторую входят страны,

разрешившую эвтаназию лишь в пассивной форме; в третьей группе стран эвтаназия преследуется по закону.

Несмотря на попытки легализовать данный феномен в Огайо (США) ещё в 1906 году, первой страной, принявшей закон, который снимал с докторов уголовную ответственность, помогавшим избавиться от мук болезни при жизни, являются Нидерланды. А в 2002 г. еще более строгий закон приняла Бельгия. В данных странах чётко регламентирован порядок разрешения применения данной процедуры: должна создаваться комиссия, привлекаться независимые специалисты и обязательно нужно письменное заявление лица, пожелавшего уйти из жизни [3, с. 761–766]. В 2006 г. в Швейцарии была также узаконена эвтаназия, более того, здесь активно развит «суицидальный туризм». В некоторых штатах США (Орегон, Вашингтон, Калифорния) эвтаназия одобрена на основании отдельных судебных прецедентов.

Франция, Испания, Израиль – страны, в которых допустима пассивная эвтаназия. Она заключается в позволении врачам принимать решения в ограничении или прекращении лечения путём прошения о смерти и получении лицом, находящимся в крайней стадии заболевания, специальных препаратов, либо же помещении его в глубокий сон.

Венгрия, Италия, Польша и ряд других стран, включая Российскую Федерацию, относятся к государствам, в которых эвтаназия и ассистируемое убийство являются преступлением. Остановимся на более подробных квалификации и правовой регламентации института эвтаназии в России [4, с. 629-639].

А.Н. Красиков, принимая во внимание ч. 1, ст. 20 Конституции РФ, считал право на смерть таким же естественным, как и на жизнь, и эвтаназию следует рассматривать в качестве разновидности права на смерть – это субъективное правомочие. Многие ученые-юристы склоняются к тому, что запрет на данную процедуру влечёт за собой криминализацию, и более того, пробелы, содержащиеся в законодательстве, отнюдь не исключают её латентного характера. Противоречия возникают при соотношении

Постановления Правительства РФ от 20.09.2012 №950, в котором сказано, что реанимационные мероприятия прекращаются, если в соответствии с настоящими Правилами они признаются таковыми, – данные действия по своей сути являются пассивной эвтаназией [5]. Кроме медицинских работников, которые оказывают ассистируемую смерть, привлекаемых в следствии по ст. 124 и ст. 125 УК РФ, в частых случаях оказания содействия в добровольном суициде по мотиву сострадания обычно привлекаются близкие или состоящие в свойствах граждане, несущие ответственность по ч. 1. ст. 105 УК РФ; однако по-нашему мнению, в этом случае не учитываются специфика данного поступка и основополагающие принципы гуманизма и справедливости, закреплённые в настоящем кодексе [6, с. 7–11].

В настоящее время проблема смягчения и индивидуализации является актуальной, и во избежание этого следует корректно разграничивать составы преступления: эвтаназии и квалифицированного, а также смежных, например, п. «а» ч. 2. ст. 110 УК РФ, ч. 5. ст. 110.1 УК РФ, ч. 2 ст. 124 УК РФ, ст. 125 УК РФ. Прежде всего, неопределенность сущности эвтаназии и проблема установления истинного мотива сострадания не позволяют закрепить санкции в отдельной статье УК РФ. Родовой объект эвтаназии соответствует с родовым объектом убийства – общественные отношения, безопасность личности, её прав и свобод. В.К Глистин, А.Н. Красиков считают, что предметом преступления является биологическое в человеке, а личность и её социальная составляющая – объект.

Объективная сторона эвтаназии в качестве разновидности убийства связана с действием, например, с введением в организм какого-либо вещества, вызывающего смерть, либо бездействием, что выражается в несвоевременной инъекции, хотя в ряде случаев может рассматриваться как разновидность пассивной эвтаназии при наличии просьбы [7, с. 137–141]. Смерть выступает обязательным результатом виновного лица, но ненасильственный характер действий по просьбе неизлечимого больного лица – это принципиальное отличие от обычного убийства. Однако, Пленум Верховного Суда Российской

Федерации в постановлении «О судебной практике по делам об убийстве» прямо указал, что убийство по просьбе потерпевшего следует квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Просьба потерпевшего рассматривается при установлении мотива сострадания как дополнительное обстоятельство и не принимается во внимание при квалификации преступления. Субъектам состава преступления, связанных с эвтаназией, также присуща некая особенность, ведь это могут быть лишь знающие о тяжелой болезни лица: медицинский, социальный работник, родственники и знакомые. Субъективная сторона выражается лишь в прямом умысле: избавить от мук тяжелобольное лицо по невынужденной просьбе, – действия виновного должны быть обязательно осознанными [8, с. 67–72]. В случае эвтаназии должен учитываться и тот факт, что без просьбы потерпевшего у субъекта не возникло бы умысла на убийство. И поэтому данное деяние будет учитывать факт смягчающего обстоятельства в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ. В определённом смысле можно рассуждать о возможном подстрекательстве со стороны потерпевшего, однако в составе ч. 1 ст. 105 УК РФ потерпевшего нельзя назвать соучастником, ведь убийство есть умышленное причинение смерти другому человеку, а не самому себе [9, с. 58–61].

При назначении наказания обязательно следует учитывать место, время, обстановку – это позволит установить более полно умысел и квалифицировать преступление. Если говорить о пассивной эвтаназии, то ответственность доктора должна исключаться, если это подтверждение будет содержаться в медицинском документе, который пациент или его законный представитель подписали. Однако ст. 45 №323-ФЗ от 21.11.2011 запрещает эвтаназию не только активными действиями, но и бездействием в виде прекращения искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента [10].

Таким образом, для начала следует унифицировать понятие, критерии легализации эвтаназии на международном уровне, чтобы Российская Федерация в будущем имплементировала данный институт; здесь сложилась неоднозначная точка зрения. По мнению авторов статьи, не следует

разрабатывать акты, которые направлены исключительно на законное умерщвление граждан, а нужно заниматься проектами, которые способствуют поднятию уровня жизни, сфокусироваться на улучшении качества медицинской сферы. Регламентация эвтаназии должна включать процесс её выполнения, положения, которые бы ограничивали её злоупотребления; необходимо разграничивать право пациента на эвтаназию и отказ от медицинского вмешательства; определить особенные признаки состава преступления. Добавление дополнительной статьи в УК РФ необходимо для того, чтобы граждане, которые поддались уговорам и совершили преступление, имели право на освобождение от уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sidorova E. Z. *Safety issues of the russian educational system* / E. Z. Sidorova, V. V. Tarubarov, V. Y. Okruzhko, A. M. Vasiliev, S. I. Pelevin // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2020. – V. 11. – № 1. – P. 187–195. – Текст : непосредственный.
2. *Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948)*. – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения 04.05.2021).
3. Pelevin S. *The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society* / S. Pelevin, A. Vasiliev, B. Taubaev, Y. Tileubergenov // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2018. – V. 9. – № 2 (32). – P. 761–766. – Текст : непосредственный.
4. Васильев А. М. *Типология и особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего сопряжённое с исчезновением человека преступление* / А. М. Васильев // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 629–639. – Текст : электронный. – URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=20499> (дата обращения 24.03.2021).
5. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (с изменениями и дополнениями)*. – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/> (дата обращения 24.03.2021).
6. Васильев А. М. *Необходимая оборона и критерии уязвимости при квалификации* / А. М. Васильев // *Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : мат-лы Всерос. научно-практ. конф-ии. Иркутск, 2020*. –

Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2020. – С. 7–11. – Текст : электронный. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43026860&pff=1> (дата обращения 25.03.2021).

7. Зубарева К.В. Насилие в семье как основной показатель при квалификации / К. В Зубарева, А. А. Бадуртдинов, А. М. Васильев // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2020. – № 6–4 (96). – С. 137–141. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-semie-kak-osnovnoy-pokazatel-pri-kvalifikatsii> (дата обращения 25.03.2021).

8. Tileubergenov Y. *The role of social memory in reconstruction of the historical past. social memory and historical past* / Y. Tileubergenov, N. Pelevina, B. Taubaev, A. Vasiliev // *Astra Salvensis*. – 2018. – V. 6. – № 12. – P. 67–72. – Текст : электронный. – URL: <https://astrasalvensis.eu/2018-2/> (дата обращения 25.04.2021).

9. Васильев А. М. Особенности криминологической характеристики личности террориста / А. М. Васильев, В. Ю. Окружко // *Юридическая наука*. – 2019. – № 9. – С. 58–61. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kriminologicheskoy-harakteristiki-lichnosti-terrorista> (дата обращения 23.04.2021).

10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изменениями и дополнениями). – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения 13.05.2021).